

ВСЯКИЕ РАЗГОВОРЫ о кино или театре, как правило, касаются современного героя. Если собрать все статьи на эту тему, верно, получится целый трактат. Однако никакие, даже самым тщательным образом разработанные рецепты не в силах рекомендовать того устойчивого состава, из которого можно было бы наверняка слепить значительный, неповторимый характер.

Видимо, виной тому сама быстротекущая жизнь, которая постоянно обгоняет отстоявшиеся в кабинетах нормы, выдвигая все новые и новые живые черты, детали облика нашего современника.

Разумеется, записи, собранные в эту статью, никоим образом не открытия, не секреты создания идеального героя, а лишь продолжение старого, давно начатого разговора, только некоторые наблюдения за самим героем, его отражением на экране и на сцене. Время от времени такой материал, очевидно, накапливается у каждого художника, критика или даже просто внимательного зрителя, поскольку развитие театра и кинематографа рано или поздно вызывает новые приемы актерской игры и требует нового воплощения драматургических замыслов. Даже в классических, знакомых образах появляются какие-то сегодняшние черты, вызывающие одобрение или недоумение публики.

ПРЕДСТАВЬТЕ себе любого легендарного человека, который в реальной своей земной жизни был героем и остается таковым в памяти потомства. Пусть это будет для России, к примеру, Александр Невский, или Сусанин, или Чапаев. Важно, что мы имеем дело с фигурой уже сложившейся, наделенной определенными деяниями и характером.

Кажется, чего проще — сочините о нем пьесу или сценарий, или роман, и вы почти автоматически становитесь создателем образа положительного героя. И, кстати, на практике иные авторы прибегают к этому способу «творчества», полагая, что главный козырь уже в них в руках. Однако достаточно обратиться к некоторым фильмам, спектаклям, книгам, и можно заметить: документальность еще не гарантия того, что перед зрителем явится образ настоящего, живого и полнокровного героя.

Подобно тому, как слепок, маска лица Пушкина — это совсем еще не образ поэта, и самая добросовестная копия не произведение искусства, одно лишь точное описание положительных деяний и черт никак не обеспечивает создания художественного образа. Поскольку герой фильма или спектакля, кроме всего, обязательно должен обладать еще и живой силой воздействия, и непосредственной связью с теми, кто пришел сегодня в зрительный зал.

Наверное, всякий историк заметит вам, что Александр Невский из фильма Эйзенштейна достаточно далек от своего прототипа. Обаяние Черкасова, возможно, было совершенно несвойственно князю, но зато необходимо образу, созданному в фильме. Мало того, в другом фильме о том же Александре Невском в исполнении и постановке

ИЗ ЗАПИСОК АКТЕРА



других кинематографистов наверняка будут использованы совершенно иные краски, иные приспособления, хотя цель та же — создание образа легендарного русского полководца.

Кто скажет, что Камо или Сергей Лазо, или Котовский были личностями менее яркими, менее легендарными, чем Чапаев? Однако именно Чапаев в первую очередь стал героем, мечтой нашего детства. А Камо и Котовский, о которых тоже ставили фильмы, оставаясь интереснейшими, притягательнейшими фигурами нашей истории, не обрели своей второй, не менее примечательной экранной жизни.

Можно привести бесчисленное количество примеров несостоявшихся открытий героев на сцене и на экране при условии добросовестного сохранения исторического и фактического материала.

Вспомните галерею образов В. И. Ленина, в разное время созданных в искусстве, и вы сразу без труда выделите те, которые действительно достигают высот художественного общения, сложности и глубины человеческого характера. А ведь фильмы иллюстративные, признанные неудачей, построены на том же подлинном историческом материале. Но дело в том, что правда факта не стала правдой большого искусства, не была освещена талантом и страстью художника.

И сегодня на студиях лежат десятки сценариев и всякого рода заявок на сценарии о жизни и подвигах героев Великой Отечественной войны. Авторы этих предложений никак не могут взять в толк, почему кинематографисты немедленно не берутся за создание фильмов по их сочинениям.

— Ведь это же был настоящий герой! Тут у меня все от слова до слова правда! — восклицают они. И точно, в иных заявках факты и события потрясут своей драматичностью. И беда авторов не в том, что выбранные ими люди малоинтересны. А в том, что реальные герои не превратились в художественные образы. Что характеры значительных людей написаны незначительными литераторами.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что даже самый положительный герой не создаваем вне времени и пространства.

Однако, несмотря на эти прописные истины, известные любому начинающему актеру, мы часто по какой-то инерции полагаем, что наличие внешних, так сказать, «проверенных» добродетелей обеспечит нашему герою звание положительного и симпатичного большинства зрителей.

Разглядывая уже знакомых, созданных классиками персонажей, мы действительно

О МЫСЛИ ГЕРОЕ

находим в них общие, присущие многим героям черты. Но в то же время никак не можем избавиться и от тех, казалось бы, незначительных деталей, которые в конце концов в каждом конкретном случае придают общей схеме героя живую силу индивидуальности, человеческую неповторимость.

ЕСЛИ совершить фантастическую экскурсию из глубины веков до наших дней, если мысленно взять некоего абстрактного героя за руку и пройти с ним по истории искусств, то к концу пути окажется, что вы ведете за собою совершенно другого человека и, возможно, даже одного из своих знакомых.

Самые древние, самые могущественные герои, которым художники посвящали все свои силы, — это боги или цари, равные богам. А еще раньше — это идола, ничем и никак не напоминающий человека, но зато точно выражающий идею силы, доброго или злого начала. Но вот постепенно бесстрастные лица греческих богов начинают оживать... Они по-прежнему совершенство, их страсти возвышенны; но это уже страсти людские.

Вы двинетесь по дороге героя еще несколько столетий, и библейские персонажи станут невероятно напоминать людей, что бывали в мастерской художника... Героев да и самих богов станут срисовывать просто с прохожих.

Гением Веласкеса властители Испании превратились в людей с пороками столь земными, что только одежды как-то отличают их от прочих грешных.

В те далекие времена критики были, видимо, тоже совсем другими. Но если бы им дано было знать нашу современную терминологию, разве они не вправе были бы сказать, например, убийственную по силе и лаконичности фразу: где автор видел таких богов?

Заметьте, очень часто самым замечательным как раз и является то, что критик отмечает как недостаток, то есть несходство с предыдущими образцами, несоответствие вчерашнему канону, умение художника видеть чуть впереди сегодняшнего дня. Пройдет время, и этого творца за то же самое назовут истинным гением, первооткрывателем, сделавшим еще один шаг в сторону человека, его сложного, противоречивого внутреннего мира.

Но, может, на сцене наш идеальный образ героя еще сохранился и сберег свои обязательные черты?

Вот он в греческих котурнах, в канонической маске, из последних рядов каменно-

го амфитеатра без ошибки отличишь его. Но пройдет не так много времени, и от котурн уже останется только обязательная постановка ног актера при чтении монолога. Это станет законом театра классицизма, где герой будет говорить великолепными стихами в отличие от других персонажей той же пьесы, которые станут изъясняться прозой. Еще один шаг, и этой самой «презренной прозой» заговорит сам герой, и снова прозвучит упрек критика: где вы видели, чтобы так изображали героя? Чтобы герой так говорил?

А позже Пушкину будет сказано, что «Руслан и Людмила» — сочинение, недостойное времени, низменное, со словами грубыми и вульгарными. Еще пройдет немного времени, и об опере «Сусанин» будет сказано примерно то же самое. А потом благородная публика высказет свое возмущение героями спектакля «На дне».

Пройдут десятилетия — и вот на экране трилогия о Максиме. А совсем рядом, с точки зрения истории, генерал Серпилин из фильма «Живые и мертвые», знакомый в каждой своей черточке...

Если упрямый блюститель первоначальной абсолютной чистоты героя увидит в этом процессе гибель идеала, то можно с уверенностью ответить ему: насколько пал в искусстве идеальный, созданный воображением герой, настолько возвысился земной, настоящий человек.

МНОГО нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести ее в перл «создания», — написал Гоголь. Русская литература XIX века явила собою неповторимый пример выражения самых сложных нравственных проблем через характеры и образы, взятые из самой глубины реальной жизни. От великосветских дам до Смердякова. Все попали в круг ее наблюдения...

Вся классическая русская литература — великое свидетельство плодотворности этого пути. Почему мы сегодня порой забываем то, что было открыто и найдено писателями прошлых лет. Изображая жизнь человеческую, сценарист, режиссер, актер, исполнитель, кинооператор обязаны разглядывать героя во всей его естественной психологической сложности, мало того, разыскивать его там, где ранее, никто не искал. Примеры из нашего времени вполне убедительно подтверждают силу такого направления.

Сколь популярным и жизненно достоверным стал Алеша Скворцов из «Баллады о солдате». Казалось бы, герой фильма о Великой Отечественной войне должен был

явиться перед нами как опытный воин, прошедший все тяготы, все испытания тех дней. А на экране мы увидели только вступившего в жизнь парня, неловкого, необстрелянного. Да и показан он преимущественно вне боевых действий, в отпуске. На первый взгляд, авторам не следовало ставить этого героя и эти события во главе картины.

Разумеется, никто не скажет, что Скворцов выражает разом весь пафос минувшей войны, что именно такими были все ее солдаты или, скажем, большая их часть. Никто не станет превращать его в символ, подобно Нике, олицетворявшей Победу. Но, видимо, несмотря на всю свою человеческую определенность, а вернее — благодаря ей, он нес и какие-то общие, важные для того поколения черты, которые и заставили зрителя воспринимать Алешу Скворцова как настоящего героя.

А, скажем, тот же генерал Серпилин вовсе не похож на Алешу, это тоже неповторимая индивидуальность, и именно поэтому нам стала понятнее еще одна грань народного характера, те нравственные начала, которые помогли советским людям выстоять и победить в этой великой войне.

Правды ради следует сказать, что многоплановость и противоречивость образа героя тоже может стать и, увы, часто становится штампом, новой, более модной, но столь же мертвой, бескрылой схемой. То, что для истинных художников являлось откровением на великом пути проникновения в жизнь человеческого духа, для поденщиков оказывается просто ширмой.

Приспособляя к старым схемам дозволенную дозу грехов, пороков и бытовых примет времени, они вроде бы тоже стали творцами современных образов. И тогда появились «ультрасовременные» спектакли и фильмы, в которых герой чихает, икает, ходит в толпе, ездит в троллейбусе, сидит на стадионе, сморкается, спотыкается, выпивает, наливает, но так и не становится человеком, ибо за всеми этими делами и поступками он не успевает по-настоящему страдать, любить, ненавидеть, тем более — думать. Было бы по меньшей мере наивно допустить, что простая узнаваемость способна заменить подлинные человеческие страсти и как-то ответить на вечные вопросы жизни и смерти.

Зрителю не столь важно узнавать на экране соседку тетю Мотю, сколько видеть применительно к себе и этой тете, как решаются все те же неминуемые проблемы Ромео и Джульетты, Лира или Гамлета.

И сегодня добро и зло, чистота и подлость остаются на земле. И чем точнее, чем глубже в художественном образе отражается сегодняшний день, тем интереснее и важнее видеть, как он — герой нашего времени — решает извечные вопросы бытия. Не в сходстве с эталоном, а в близости с рядом стоящим человеком его истинная сила и значение. Настоящий герой всегда неповторим. И все живое ему только на пользу.

Алексей БАТАЛОВ.

Комсомольская правда, 1967, 4 июля